

— Не идут дела, не идут. С начала года уже семнадцатый наш проект заваливается. Хотели телепередачу поставить в стиле "Кабачка "13 стульев", такую комедию характеров. Должны были уже деньги получить и за сценарий, и на съемки пилотной передачи...

— Что значит — "Проект 2003"?

— Особого смысла в этом нет. Нам не хотелось быть "интернейшенел" или "фигейшенел" и решили просто вбабахать побольше цифр. У нас тут такой кружок писателей-самообразованцев: пьесы, сценарии, клипы снимаем, депутатам разным речи писали предвыборные. С нами многие работают — Гарик Сукачев, Миша Ефремов... А вообще создавалось это дело под кинопроект.

— Но ни одного кинопроекта пока не удалось реализовать?

— Мы в перманентном запуске находимся, у нас три варианта, но все они в воздухе. В Госкино ходить устали. Мы уже им тысячу вариантов предлагали, как им помочь, чтобы они нам денег дали. Но ничем это не кончилось. А потом еще разлука с деловым партнером лишила нас еще нескольких тысяч долларов — чтобы не заевать с ним всякие разбойничьи разборки. И сам в кино не реализуюсь сейчас никак. У Муратовой должен был сниматься, у немцев... Простой. Нормально, время такое.

— Вы такой забавный секретарь СК, приезжающий на заседания на мотоцикле, в кобухе. Что означает для вас эта работа?

— Странная довольно организация — ни то, ни се. Даже не профсоюз. Но и не имеет смысла его распускать, разрушить всегда легче, чем собрать. Какие-то мои предложения — я резонерствую в основном — не принимаются, а если и принимаются, то со временем, когда они уже смысла не имеют. Собирались, кричали, что все пропало, кино гибнет. Я говорю: давайте выпустим ценные бумаги с казначейскими обязательствами. Пока думали, рынок этот уже ликвидировали. Перед выборами говорю: надо писать письмо в правительство — на выборах будем поддерживать тех, кто поможет. Да, сказали, надо! И ничего не сделали. Нужно не словоблудствовать, а идти на какие-то шаги.

— Неужели так и нет просвета в этой ситуации?

— Я предложил такую форму — через налоговые льготы. Сделать для кино режим экономического благоприятствования. И тогда я с лицензией от Госкино сговариваюсь с компьютерной какой-нибудь фирмой или торговлей. Она входит в дело, и на нее распространяется действие льготного налогообложения. Все бы ринулись к нам, чтобы избавиться от бандитских налогов, и за счет этих коммерсантов кино бы финансово поднялось, как на дрожжах. Но это надо делать решительно.

— Финансовая проблема для кино — не единственная.

— У нас сейчас нет идеологии. Нет символа мужчины, символа женщины. Кажется, необязательная вещь, но это вопрос национальной гордости, вопрос генотипа. Нам нечего представить миру скоро будет. Писатели есть, художники, но они локальны, это как укусы комара для большого мирового тела. А кино — все-таки масштаб. И тот человек, тот политик, который создаст идеологический отдел — даже с цензурой, — получит возможность поднять авторитет нации, будет популярен и у нас, и за границей. А цензура нужна. "Тампаксы" нельзя рекламировать на экране — это несвойственно нам, евроазиятам, мы стесняемся. Презервативы — тоже стесняемся, да и не нужно нам их по большому счету, нам надо, чтобы рождались дети. Сигареты, водка...

— Идеологический отдел — чего?

— Ну не знаю, Совета Безопасности. Чтобы рынок не заполняли товары инопроизводства, чтобы наши предприятия не страдали. Мы без головы ведь: пьем — так запойно, пускаем товары — так все. Нужны были ограничения, сан-

Он ставил свои фильмы и играл в чужих. Пишет пьесы не просто так, а специально для МХАТа.

Секретарь Союза кинематографистов.

Художественный руководитель творческой экспериментальной студии "Проект 2003". Да и много чего другого успел к своему тридцатнику.

Далеко не всем такое удастся... Тон его всегда бодр, хоть и начали мы разговор с темы невеселой.

Иван ОХЛОБЫСТИН:

Вет. клуб. - 1996. - 27 июля. - с. 8.

Я въехал в метро на мотоцикле — и меня арестовали

кции. Ограничение порнографии, религиозной рекламы.

— Идеологический отдел, цензура, но мы же боимся этого уже просто по определению. Натерпелись.

— Но вот нельзя же, например, о водке, наркотиках и, прости Господи, рок-н-ролле снимать кино, нужно снимать о врачах-педиатрах. Нужно ориентировать людей, делать авторитет профессии учителя, врача, военного, милиционера гадкого. А это можно сделать только идеологическими методами. Вот сейчас лучший фильм "Разум и чувствительность". Я как человек жестокий еще и sentimentalный. Мы смотрели за бутылочкой напитка будоражащего и выплакали все слезы, старые рок-н-рольщики и рокеры.

— Как вы пришли в кино?

— Учился во ВГИКе на режиссерском. Снял "Разрушителя волн", по миру поездил. Вернулся — меня Никита Тягунов актером позвал в фильм "Ного". Я подумал: лето, клево, поеду, подурчусь на казенный счет. Потом начал "Арбитра" снимать, свое кино. И сам там отснялся. Потом пошел в "Хоровод" сниматься. Ну и дальше то съемки, то писанина.

— "Арбитр" достаточно элитарная картина. Неужели говорить о самосознании нации, нужны какие-то "народные" фильмы.

— Но у нас же много специалистов в этой области. А я где-то посередине между кино народным и авторским. Мне больше нравится мистерия. Не фарс, не клоунада, а именно мистерия. Как бы храмовое действо, шаманистское.

— Мне кажется, вы сильно меняетесь в последнее время.

— Да. Причем знаете, какая странная штука... Была у нас шашка — мы работали над компьютерной игрой. И мне захотелось создать философию виртуальной реальности.

Написал книгу "Виртуальная версия", собрался в июле ее опубликовать. Но по ходу писанины этой пришел к идее, что мир универсален и здесь возможно абсолютно все. Все, во что верят, все есть на свете. Есть инопланетяне, есть Магомет, есть Гермес... А собственно я — у меня-то какие убеждения? Так, отголоски какие-то, а главного убеждения нет. Я занимался йогой, изучал философию, но при этом всегда знал, что если я живу в России, то оптимальный путь моего духовного развития — это православие. И понимал, что интеллектуальное развитие — это не предел. И прав Альберт Швейцер, когда говорил, что религия в своем пике — это философия, а философия в своем пике — это религия. И я накопил себе православной литературы и начал читать.

И сейчас я понимаю, что православие — это чрезвычайно серьезно, оно круче самурайской идеи: вот это понятие смиренномудрия, кротости, веротерпимости, бескомпромиссного самопожертвования. И если раньше я искал логических подтверждений, то теперь, читая эти книги, я не собираю информацию, а как будто вхожу в прямой коридор и по нему иду. Мне духовник мой говорит: "Ты должен знать, что все хорошее в тебе — оно твое лично, оно от Бога. А все что плохое — это бесы-бесы-бесы..." И я не двойственен сейчас, я просто хороший. А все остальное — бесы.

Вот сидит старик, прожил сто лет, ничего не ответит, ничего не знает. Прости Господи, он бревно. В основном люди к старости устают думать. Но пожилые верующие люди — совсем другое дело. И я рад, что старше становлюсь, я хочу быть стариком.

— И не хотите издавать "Виртуальную версию"?

— Не буду, ересь голимая. Может быть, когда-нибудь к старости напишу книгу псалмов. А может, так хулиганить и буду.

— Бывший анархист, повеса, рокер в наколках... Не стыдно теперь за "бесцельно прожитые годы"?

— Нет, абсолютно. Был юношеский максимализм. Если я делал татуировки, то не кокетливую бабочку на попке, я девок голых наколол, у меня черепа, драконы — во клевота! Посмотрел фильм про рокеров — клевота! Я купил мотоцикл, я полетел! Я посмотрел какую-то сентиментальную историю, любить так любить! Все делать нужно до конца. Старался сделать все и больше: перекрутить кран, чтобы вода всегда лилась. Я так делал с татуировками, с алкоголем, с наркотиками. Причем, что самое любопытное, я не остался в зависимости от этого, хотя столько дерьма пережил! Матрасы анаши выкурив, выпил цистерны текилы. А сейчас, когда я начал заниматься православием, я боюсь увлечься. На самом деле боюсь. Погрузиться, бросить все...

— Уйти в скит?

— Это благородно, серьезно, но я понимаю, что у меня жена беременна, что будет ребенок. Я знаю, что хочу снимать кино, хочу писать. В ортодоксальном православии есть такое понятие — "царский путь". Что это означает: человек должен брать на себя в духовном развитии именно ту ношу, которая ему по плечу, по силам. Как качаешь мышцы — берешь максимальный вес, делаешь сколько можно и чуть-чуть больше. Вообще-то Бог не дает больше, чем ты в состоянии вынести. Но и искушать нельзя. И меня увлекает, как в водоворот, как в воронку, я держусь из последних сил на самом деле.

— Религия предполагает некий диктат...

— Один греческий философ говорил: "Истинная свобода — это независимость от собственного мнения". Это как в армии, есть нечто щемящее, материнское в приказе прапорщика идти туда, куда ты не хочешь. На самом деле, когда за тебя решают все простые вопросы, бытийные, ты решаешь в

себе самом самые серьезные вопросы.

— Но вот девушка голая — это вроде как грешно. Что же теперь, сводить на колку?

— Нет. Определение "царского пути": все должно быть целесообразно. Сводить на колку — это лютые деньги, потеря времени, месяц надо посвятить этому. Пусть она будет, она ничем не мешает. Другое дело, что портить свое тело — это действительно бессмысленно.

— У религии есть нечто общее с наркотиками?

— Есть, конечно. Меняется угол зрения. Наркотики меняют угол зрения в одну сторону, религия — в другую. У религии все — мemento мори, помни о смерти. И ты иначе на все смотришь — на людей, на деятельность свою. Конечно, ты хочешь денег, конечно, ты хочешь развлечений, но на все иначе смотришь, чуть отвлеченно, как наблюдатель. Наркотики дают примерно то же самое за счет перепада давления, химического воздействия на организм. Недаром сказано: "В Америку Бог пришел вместе с ЛСД". Может быть, это правда. Всегда в наркотиках — "измена" называется, — когда передозируешь, боишься умереть. Организм тебе говорит: ты умрешь сейчас. И первая мысль: "Помилуй меня, грешного..." И очень многие уходят в религию от наркотиков.

— И когда же вы окрестились?

— Еще в 9-м классе. Одноклассница принесла книжку "Деяния апостолов" — старый фолиант такой, на кириллице. А у меня был фотоаппарат "Зенит-Е". Поменялись. Потом ей папа сказал: верни назад. Поменялись обратно — а я у нее в школе упер эту книгу. Прочел ее и пошел, окрестился. Так что очень странно мое духовное развитие началось.

— Но были еще ведь и другие книги, кино...

— И запойное чтение, и на улице целыми днями. Когда жили в деревне, моя бабушка, выйдя на пенсию, подрабатывала кассиром в клубе, и я ходил каждый вечер смотреть кино. Больше всего посмотрел "Повторный брак" с Бельмондо, раз сто. Никак сейчас на кассете не могу его найти. А еще очень много ходил по Москве, хотел быть археологом, и меня увлекало это хождение. Когда уезжали родители на юг или на дачу, выходил около полуночи и шел обычно от Каширской до Кремля. И обратно. А на 1000-летие крещения Руси был уже в сознательном возрасте, мы с другом прошли пешком от Москвы до Загорска. Шли мы 17 часов. Ноги болели, ужас.

— От мотоцикла теперь отказались?

— На последнем своем мотоцикле я въехал в метро. На "Домодедовской". Я пьяненький был. С фестиваля вернулся, с "Кинотавра", в нездоровом воодушевлении. И так обиделся, что жарко, плохо, со всеми надо ехать, что это нарисовало нечто в моем воспоминании, и я решил въехать в метро и — по рельсам. Я проехал мимо турникета, мимо бабуль и упал на лестнице, бензин потек. Меня арестовали, ночью отпустили, расколотый мотоцикл забрали. Мощная была машина, переделанный "Урал" с дугами. Любимое у меня развлечение было — по склонам ездить в районе Ленинских гор. Очень интересно. За мной на БМВ ездили милиционеры, гонялись мы с ними. Но на мотоцикле легко уйти. Еще "Ява" была, но она на шоссе скачет на всех ямках. А "восьмерку" я тоже разбил. Расколотил милиционера на "Москвиче", въехал в него с лютостью, от машин ничего не осталось, одни рули. Пришлось оплатить ему личную машину и здоровье...

— В этом не было ничего самоубийственного?

— Нет, я суицидом не страдал никогда. Ветер, свобода! Бог берет. А страхи не было.

— Откуда в вас постоянный веселый и бодрый заряд?

— Так рок-н-ролл ведь: небо голубое, вода мокрая, а жизнь дерьмо. Здравый смысл, в общем.

Фото Игоря ИВАНДИКОВА.

